

*Мир, эта книга посвящается тебе.
Ты всегда идешь со мной рядом,
каким бы диким и опасным ни был путь.*

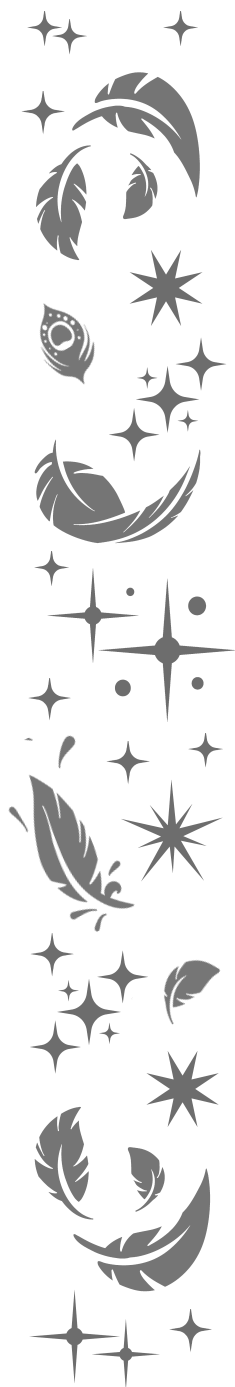
Пролог

Ветер крепчал. Айрис понимала, что нужно вслушаться в слова ведьмы, стоявшей перед ней, но все ее внимание было приковано к шелесту деревьев. Она сосредоточилась на нем так, что он вытеснил все остальное, заглушил звук бегущей по венам крови и стук бешено колотящегося сердца. Шелест становился все громче, пока голос ведьмы не исчез в нем.

Айрис ощущала присутствие животных, обитающих в этих лесах. Как они вонзали когти в землю и приподнимали уши, когда где-то похрустывали ветки. В ее родных краях таких лесов не встречалось, и Айрис едва сдерживалась, чтобы не кинуться прочь, потерявшись среди деревьев. Они дикие, те животные, подумала она, и, возможно, ей самое место с ними.

— Мисс Грей?

Айрис вздрогнула, услышав свое имя. Стараясь не обращать внимание на то, как дикая природа зовет ее, она поморгала и внимательно посмотрела на Ану.

— Вы слышали меня?

Айрис попыталась вспомнить, что говорила ведьма, но не смогла. Она продолжала думать о той ночи, случившейся месяц назад, о причудливом синем домике у озера. Совет расспросил Айрис обо всем, что произошло тогда, и она рассказала им каждую деталь, о которой помнила, даже о запахе гнилостного дыма и о рыданиях лучшей подруги.

Тело человека горит не так, как дерево. Пламя не трещит и не искрится. От него не веет уютом в холодную зимнюю ночь или романтикой на каменистом берегу. Это зрелище поистине ужасающее.

Айрис всем сердцем желала забыть об увиденном.

Она слотнула и покачала головой.

— Простите, нет.

Ана подошла к массивному дубовому столу, за которым сидели остальные члены совета. Айрис стояла перед ними, так крепко стиснув зубы, что болело лицо. Пальцами она перебирала грубую ткань платья, такого же серого цвета, как камешки, которыми выложена идеально ухоженная дорожка к ее дому.

Ана подошла к ней и протянула руки.

— С вашего позволения я прочитаю.

Айрис покосилась в сторону, пытаясь поймать взгляд отца, но тот глядел на мокрую землю. Однако мать смотрела ей прямо в глаза. Никогда она не отворачивалась от дочери. Ни в гневе, ни в печали, ни в страхе. Никогда. Ее мать коротко кивнула, и Айрис перевела взгляд на ведьму.

— Приступайте.

Айрис ощутила на себе магию. Жар разлился по всему телу, проникая в ее разум в поисках лжи и обмана. Ее глаза были широко распахнуты, но мир вокруг исчез. Она видела лишь покрывало тьмы, сквозь которое, словно звезды, мерцали крошечные точки света.

Таков дар природы. Каждый человек сразу понимал, когда к нему применяется магия — в эти мгновения он видел звездный свет и ничего больше.

Ана была одной из самых могущественных звездных ведьм, магия которых действовала на людей сильнее всего, и она прочитала Айрис за считанные секунды.

Айрис моргнула и тьма перед глазами рассеялась. Ана пристально посмотрела на нее, а потом вернулась к столу, за которым сидел Магический совет.

Айрис старалась не думать о том, что ее лучшую подругу Эми лишили магии на этом самом месте, где сейчас стояла она. Эми наказали самым жестоким способом из всех возможных, хотя ее старшая сестра и заседала в совете.

Айрис спала в ту ночь, когда Эми совершила нечто невообразимое, когда она привела своего парня на берег озера и по его просьбе обратила в колдуна. Эми была уверена, что сможет помочь ему, когда он увидит магию Вселенной и отчаянно захочет протянуть ее к себе, хотя та может убить его. Она верила, что не даст ему привлечь слишком много магии и сгореть заживо. Но ошиблась.

Эми ошиблась, а Айрис оказалась там.

Проснувшись от криков, Айрис помчалась к друзьям. Но было слишком поздно, и юноша превратился в пепел еще до того, как луна успела полностью взойти.

Айрис закрыла глаза, пытаясь отогнать воспоминания. Совет поднялся, чтобы семь раз обойти поле по кругу прежде, чем вынести приговор. Интуиция у ведьм и колдунов лучше всего проявлялась на природе, и поэтому все суды проводились на открытом воздухе. В этот день по земле стелился густой туман, и члены совета то появлялись, то исчезали из виду, кружа по полю, заросшему дикими травами и цветущей лавандой.

Айрис пристально смотрела на влажную землю и одуванчики. Она покосилась на родителей, но снова встретилась взглядом лишь с матерью. Когда участники совета завершили седьмой круг, Айрис прижала ладонь к груди, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

Пятеро ведьм и колдунов снова сели за длинный дубовый стол и посмотрели на Айрис. Их лица ничего не выражали. Ана, глава совета, поднялась, и у Айрис перехватило дыхание.

Ана сложила руки перед собой. Налетел порыв ветра, разметав черные пряди по ее лицу, но она не стала их поправлять.

Она посмотрела Айрис прямо в глаза.

— Вы можете идти.

— Правда?

— Да. Вы не виноваты в случившемся. Мы сегодня направим наше решение в суд. Родные

мистера Ньюпорта отказались выдвигать против вас обвинения, поэтому суд примет наше решение как окончательное.

Айрис выдохнула. Совет слишком снисходителен к ней. Она знала, что с Эми что-то происходит. Чувствовала, ее подруга задумала что-то, чего Айрис никогда не одобрила бы. Ей нужно было тогда пойти с Эми и остановить ее.

Но Айрис легла спать, а Алекс Ньюпорт сгорел заживо.

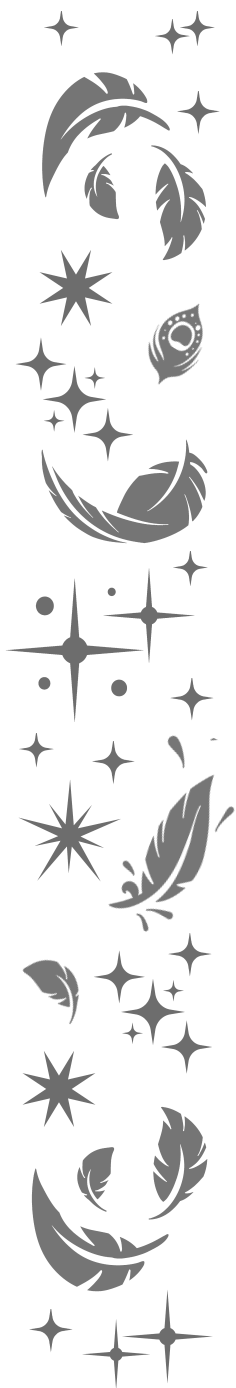
— Спасибо, — с трудом выдавила она.

Айрис хотела побежать к родителям и попросить их отвезти ее домой, но она стояла на месте и смотрела, как совет покидает поле. Старшая сестра Эми поднялась последней. Она глядела туда, где стояла Айрис, но не видела ее. Если бы только к Эми отнеслись так же мягко.

Отпустили бы ее.

Начал накрапывать мелкий дождик. Айрис подбежала к матери и крепко обняла ее. Отец держался чуть поодаль. Он выглядел печальным. Как странно, ведь решение совета вовсе не было суровым.

Снова налетел ветер и к ногам Айрис что-то упало. Она подняла темно-коричневое перо с белыми пятнышками и всю дорогу домой сжимала его в руке.

Глава 1

Два года спустя

Снова эта сова наблюдает за мной. У многих сов очень яркие глаза цвета пламени: красные, желтые или оранжевые, но только не у северной пятнистой. Ее глаза угольно-черные. И эта ночная птица отчего-то всегда знает, где я — и днем, и ночью.

Когда мы принесли птицу в наш природный заповедник, она сразу же проявила ко мне интерес. Мама говорит, что это добрый знак, ведь северные пятнистые совы священны для ведьм и колдунов.

И все же, когда сова смотрит на меня, у меня бежит холодок по спине, словно птица предвещает не добрые вести, а кличет беду.

Сова сидит на ветви старой ели и несколько мгновений мы пристально смотрим друг на друга. В животе у меня все скручивает от неприятного чувства, и я отворачиваюсь. Зима прикасается мокрым носом к моей руке, и я опускаю взгляд. Она

оберегает нас с мамой с тех самых пор, как мы переехали сюда два года назад, и сейчас настороженно смотрит на сову.

— Эта волчица умерла бы за тебя, — недовольно говорит позади Пайк, словно обвиняя меня в том, что я околдовала Зиму.

Я оборачиваюсь и притворно улыбаюсь.

Пайк Алдер не знает, кто я такая, а даже если бы и знал, я бы никогда не стала никого привораживать.

Зима любит меня, потому что нутром чувствует — мне можно доверять.

— Знаю.

Глажу Зиму по голове и она жмурится от удовольствия. Я отдала бы жизнь за эту волчицу, но она ни за что бы не позволила мне это сделать.

Пайк хмурится. И как обычно, когда чего-то не понимает, он стискивает зубы и поджигает губы. Чувствую, что он пытается разгадать меня, изучает сквозь линзы очков в черепаховой оправе.

— Ты что-то хотел? — спрашиваю, чтобы прервать его мысли.

Пайк склоняет голову, и я понимаю, что мне не понравится то, что он собирается сказать.

— Просто хотел сообщить, что посетители снова выбрали меня лучшим работником. — Он говорит непринужденно, но грудь у него вздымается от гордости.

Я пытаюсь сохранить спокойное выражение лица, надеясь, что Пайк не видит, как жар поднимается по моей шее. Я много работала над тем, чтобы не бояться говорить перед экскурсионными

группами, но Пайку это дается легко. Неприятно признавать, но он и правда хорошо справляется. Я бы даже сказала, отлично.

И он сам прекрасно знает об этом.

— Поздравляю, — спокойно говорю я, хотя чувствую неловкость.

Я еще раз глажу Зиму по голове и, оставив Пайка, спешу к домику, где располагается наш офис и где мы принимаем посетителей. Сегодня пасмурно. Свинцовое небо нависает над деревьями. Чувствуется, что скоро пойдет дождь. Я иду по лесной тропе, вдоль которой высятся ситхинские ели, под ногами хрустят коричневые шишки.

— Я могу пойти с тобой, когда ты снова поведешь группу и дать парочку советов, — говорит Пайк, следуя за мной. — Заметки поделать, сказать, если ты сделаешь что-нибудь не так, поделиться своим мнением. На следующей неделе начинаются весенние каникулы, так что у меня будет свободное время.

— Как мило с твоей стороны. — Я заправляю прядь за ухо. — А что, уже весенние каникулы?

— Ага. Всю неделю будем вместе работать.

— Радость-то какая.

— Да ладно, тебе же нравится, когда я рядом.

— Интересно сказано.

Я открываю уличный кран и смываю грязь с ботинок. Пайк делает то же самое и заходит вслед за мной в небольшое деревянное строение. Домик все еще пахнет сосной, а деревянный пол скрипит, когда я вхожу.

— Да, ладно тебе, Айрис, ты же тут со скуки помрешь без меня. Да и небольшое дружеское соперничество не помешает... а то вдруг кто-нибудь подумает, что ты незаслуженно получила здесь работу. Вряд ли тебе такое понравится. — Пайк подмигивает и исчезает в подсобке прежде, чем я успеваю что-то сказать.

Пайк вечно достает меня, потому что заповедник принадлежит моей маме, и все же он знает, что я лучше всех управляюсь с животными. Сам он учится на орнитолога и хочет посвятить жизнь изучению птиц. Только вот его учебники и бинокли не сравнятся с моей магией.

Хотя он, конечно, об этом никогда не узнает.

И все же меня раздражает его высокомерие. В природе главное равновесие, но Пайк ведет себя так, словно ему принадлежит весь мир. Ему неизвестны скромность и почтение. Он не придает значения цепи эволюции, потому что считает себя венцом творения.

Показать бы ему хоть раз все грани вселенной, о которых он ничего не знает и не понимает, потому что не обладает магией, но я ни за что не поступлю так опрометчиво и не поделюсь своими тайнами с другими. Особенно с этим болваном Пайком Алдером.

Я делаю глубокий вдох и начинаю наводить порядок. Складываю анкеты и брошюры, которые оставили недавние посетители. Протираю стеклянную витрину, где выставлены сувениры нашего заповедника «Туманная гора». Не обращаю внимание

на Пайка, который вышел из подсобки и включил телевизор на стене.

Мы включаем его только, чтобы показать посетителям небольшое видео о заповеднике, но Пайку нравится фоновый шум телевизора. Обычно я все равно его выключаю, но внезапно до меня доносится слово «ведьма» и имя... имя, от которого у меня все болезненно сжимается в груди.

Видения той ночи на озере возникают перед глазами, и я зажмуриваюсь, пытаюсь прогнать их. Но они не исчезают, мелькая, словно смотрю нескончаемое кино. Я с трудом возвращаюсь к уборке и притворяюсь, будто не ловлю каждое слово ведущего новостей.

Бесполезно. Невольно замираю и перевожу взгляд на экран.

— ...была досрочно освобождена. Суд постановил, что Эми Медоуз виновна в непредумышленном убийстве и по решению Магического совета была лишена магии...

Я выдыхаю. Ощущая, как воспоминания о той ночи немного тускнеют на душе становится легче. Эми досрочно освободили. Она вернется домой.

— Зря, — бурчит Пайк себе под нос и, глядя на экран, качает головой.

Средство для мытья стекол выскальзывает у меня из рук, и я поспешно поднимаю его. В груди у меня все сжимается. Я брызгаю средством на витрину и лихорадочно протираю ее, потом еще раз.

— Нельзя им доверять, — говорит Пайк. Его голос вдруг раздается прямо позади меня: — Ты ее уже до блеска натерла.

Я подпрыгиваю от неожиданности и едва не роняю бутылку снова. Мне хочется возразить Пайку, сказать, что когда-то полностью доверяла Эми. Но ему нельзя видеть, что я беспокоюсь за ведьму, поэтому выпрямляюсь и говорю:

— И снова почти вся работа на мне, потому что ты свою делаешь тяп-ляп.

— Уж стекла я умею протирать, — фыркает Пайк.

Я показываю на витрину, в которой Пайк обычно любит себя, когда убирается.

— Тут на стекле такой четкий отпечаток от твоей руки, что его можно вырезать и сделать из него елочное украшение.

Пайк смеется, но мое внимание снова приковано к телевизору. Новости продолжают, а слова Пайка эхом отдаются у меня в голове, словно стою в пещере.

«Зря».

«Нельзя им доверять».

Дверь распаивается и входит мама, не дав мне сгоряча сказать что-то, о чем потом пожалею.

— Пайк, ты же знаешь, я терпеть не могу смотреть новости под конец рабочего дня. — Хлопнув его по руке, мама выключает телевизор и бросает на меня многозначительный взгляд.

— Прости, Изобель, — отвечает Пайк. — Я уже ухожу.

— До завтра, — прощается мама и заходит в офис.

У двери Пайк внезапно останавливается и разворачивается.

— Черт, забыл почистить вольер с ленивцами, — говорит он и бросает на меня наигранно виноватый взгляд. Посмотрев на часы, качает головой. — У меня планы на вечер, и я уже опаздываю. Ты не против почистить вольер, Грей? — Пайк криво усмехается.

— Я бы может и поверила тебе, но ты уже в третий раз за месяц «забываешь» убрать вольер, — говорю я. — И да, я против.

— А что, у тебя какие-то планы на сегодня?

Я стискиваю зубы. Пайк прекрасно знает, что у меня нет никаких планов и никогда не бывает. Он ухмыляется еще шире.

— Так и думал, — произносит он и выскакивает наружу.

Меня обдает порыв прохладного весеннего ветра и дверь захлопывается.

— Хоть бы спасибо сказал, — ворчу я.

Хорошо, что Пайк не видит, как я краснею от растерянности. Не хочу, чтобы он знал, как сильно меня задевают его слова.

Мама выходит из офиса и выключает свет. В руках у нее термокружка, из которой она обычно пьет кофе по утрам. Она надевает куртку и распускает прямые светлые волосы, которые так разительно отличаются от каштановых кудрей, доставшихся мне от папы. Раньше я обожала свои кудряшки, но

сейчас с радостью поменяла бы их на мамины светлые пряди.

Мы выходим и закрываем домик. Небо, затянутое тучами, чернеет с каждой минутой.

— Пайк не почистил вольер для ленивцев. Я его уберу и пойдем домой, — говорю, не в силах скрыть раздражение.

— Это в его духе, — смеется мама. — Ты почисти вольер, а я пока обойду заповедник. Встречаемся здесь через двадцать минут, — бросает она через плечо и идет к птичнику.

Мы расходимся в разные стороны. Я делаю глубокий вдох и прохладный влажный воздух успокаивает меня. В сумерках различаю ярко-желтую записку, приклеенную к двери вольера с ленивцами. Узнаю почерк Пайка. Прищурившись, читаю: «Ленивое спасибо!».

Закатив глаза, срываю записку, комкаю ее и швыряю в мусорное ведро. Я начинаю убираться, стараясь не потревожить спящих ленивцев. Все деньги, которые мы получаем, идут на уход за животными. И хотя волки самые популярные у посетителей, на ленивцев тоже любят смотреть.

Вычистив вольер, проверяю температуру и ухажу. Мама уже ждет меня. Она обнимает меня за плечи.

— Ты как? — спрашивает мама, прижавшись лбом к моей голове, и я понимаю, что она спрашивает об Эми.

— Я рада, что она вернется домой. Она столько настрадалась.